

личанина, художника Бедфорда. Зло ассоциируется с бездушным, машинизированным рационалистическим образом мыслей и персонафицировано в заговорщиках, и прежде всего в бывших нацистах. Хотя фон Эммерику и другим отрицательным персонажам приданы реальные черты гитлеровских заправил, они все же остаются не более чем удачно сработанными типажам, ибо мыслят и действуют, не исходя из закономерностей жизни и даже не по законам развития художественных образов в произведении, а по прихоти автора. Их поступки никак не связаны с реальными событиями и конфликтами эпохи, в которую они живут.

Все они — условные фигуры, иллюстрирующие авторскую идею. В качестве такой же абстракции предстает и «советский дипломат» Мельников, неизвестно почему угодивший в компанию заговорщиков. Он никак не действует, а лишь несколько раз мельком упоминается. Тем не менее Пристли ввел его в книгу. Не ветром ли «холодной войны» занесло Мельникова на страницы романа? Не отголосок ли этот персонаж некоторых антисоветских выступлений Пристли?

Итак, центральный конфликт у Пристли — столкновение доброго и злого начал. Но автор не в состоянии решить этот конфликт на материале самого произведения, так как построил его, исходя из надуманных абстрактных схем. И вот в поисках выхода Пристли, писатель-реалист, стоящий обеими ногами на земле, вынужден обратиться к мистике. В качестве греческого «бога из машины» он вводит в роман Старого Астролога. «В миру» это пьянчуга-ирландец, который предсказывает судьбу в ярмарочном балагане в одном из городков Австралии. А в момент экстаза — это титан, раскрывающий перед героями картины будущего. Он разит заговорщиков невидимыми лучами своего интеллекта и тем (на время) предотвращает угрозу атомной

войны и решает исход схватки между силами добра и зла. Старик несет еще и «дополнительную нагрузку» — его устами Пристли раскрывает смысл сложной символики романа. Мы узнаем, что восьмерка — это знак Сатурна, а Сатурн над водами — символ господства «элиты», создателей совершенной в техническом отношении, но бездушной цивилизации над обращенным в рабство человечеством. Спасенье, по словам Астролога, следует искать под знаком благожелательного Урана, покровителя гуманных и эмоциональных людей искусства.

Такова идея, ради которой написан роман.

Читатель остается в полном недоумении. Но если все так просто, если силы зла столь нематериальны, зачем же было огород городить? Зачем Пристли активно выступает против ядерного вооружения, призывая к действию целый народ, если достаточно одного старика под знаком Урана... Впрочем, что думает читатель, видимо, не интересует автора. Как сказал сам Пристли, за всю свою жизнь он и пяти минут не думал о читателях и пишет «для собственного удовольствия». На этот раз удовольствие оказалось несколько испорченным, ибо отсутствие ясной и правомерной идеи, почерпнутой из жизни, при-

вело к неудаче и в той сфере, где Пристли считает себя особенно неуязвимым, — к слабости сюжетного построения. Слишком уж много в романе неоправданных совпадений, фантастических спасений, непонятных встреч именно с теми людьми, которых ищет герой. И, наконец, слишком уж выпирают из сюжетной конструкции мистический старик и его приятельница, ясновидящая дама ближнего действия, которая творит мелкие чудеса и помогает героям, вопреки всякому правдоподобию, найти друг друга на ферме, затерявшейся в просторах Австралии. Такого не позволяют себе даже профессиональные мастера пресловутого «худанита», получившего свое название от разговорного английского выражения «whodunit?» — «кто же совершил преступление?»

Вот невеселый итог раздумий над новым романом Пристли. Жаль, что приходится во многом согласиться с автором статьи о Пристли в одном из выпусков литературного приложения к «Таймс»: «...Да, конечно, он мастер рассказывать. Но ему не хватает настоящей заинтересованности в судьбах людей, о которых он рассказывает, и подлинного понимания того, чем они живут».

И. КУЛАКОВСКАЯ

ПАРАДОКСЫ ЭПИГОНСТВА

Jules Romains. Un grand honnête homme. Paris, Flammarion, 1961.

быватель смотрит на мир исподлобья. Жизнь — схватка. Все люди — враги. Филистерская ненависть к человеку ищет своего утоления даже в искусстве. А спрос, известно, рождает предложение. Во Франции немало утешителей

и развлекателей рантьерской публики. Иные зубоскалят без претензии. Других стесняет скоморошеский наряд. Им хочется и зрителям потрафить и все приличия соблюсти. А для сего удобна

СРЕДИ КНИГ

маска реалиста: лик лукавый она прикроет и обяжет поверить голой правде.

Вот Жюль Ромен — ну чем он ныне не Бальзак? Ведь в прошлом, право, их что-то роднило. И отвращение Ромена к буржуазной прозе, порыв к гуманности — в начале века — и его дерзкие новеллы о бастующих пролетариях (сборник «Белое вино из Ля Виллет»), и протестующие песни в эпоху первой мировой войны, и отблеск «Человеческой комедии» на безбрежном полотне «Людей доброй воли».

Но симпатии к фашистской, «сильной» власти в тридцатых годах, бегство за океан в сороковом, чванливое презрение к человеку с улицы» в 1945 году, исповедание американского стиля жизни в 1960 году преобразили бывшего апостола «вселенского единодушия». Продолжатель «вырос» в эпигона. Формально повторяя классиков, он пародирует лишь самого себя.

Писал, например, Бальзак о мире куртизанок. Жюль Ромен тоже выпускает четырехтомный цикл о загадочной авантюристке. У Бальзака, помним, прекрасная Эстер — трагическая жертва паучьего мира чудовищных нюсенгенов. Жюль Ромен в своей «эпопее» совершает «новаторский» шаг. Обольстительная мадам Шеврей — ликуйте, мешане! — не кто иная, как тайная «рука Москвы». В ее сетях запутался не один министр и дипломат. Бедняги!

В огромном мире своих героев Бальзак особо выделил врача Бьяншона и поверенного Дервиля, причастных к исповеди души и тела своих клиентов. И у Жюля Ромена в его последней книге «Наипорядочный человек» появился свой поверенный в делах — месье Амбар. Бальзаковский Дервиль поведал немало траги-

ческих историй. Месье Амбар — не выдумщик и не фантаст. На суд читателя выносит он достоверные события, случаи из практики. За рассказами Дервиля вырисовывались мощные характеры, просвечивали контуры бесчеловечной системы чистогана, где личность гибла под ударами этой всепожирающей страсти. К каким прозрениям влечет нас повествование Амбара о судьбе порядочного человека?

Сюжет «Наипорядочного человека» по-бальзаковски традиционен: охота за наследством, respectable брак, преступление, ценой которого утверждается карьера столичной знаменитости. Роль хищника и честолюбца играет некий Брюньо, врач в Сен-Жерменском предместье. Он женится на провинциалке. Год спустя она внезапно умирает. Завладев наследством покойной, он отправляет ее мать — мадам Ле Гаре — в частную психиатрическую клинику. Брюньо немедленно вступает в брак с аристократкой. Но мадам Ле Гаре не без помощи вездесущего Амбара выходит на свободу. Стоит только ей обратиться в полицию — и всплывет дело о таинственной смерти первой жены доктора, насильственном заточении тещи и о грязных махинациях вокруг их богатства.

Какой «разоблачительный» сюжет! Писатель, кажется, и впрямь решил совсем в духе Бальзака вскрыть механику растиньяковского успеха, выведя на чистую воду юного честолюбца двадцатого века, готового любой ценой покорить фешенебельный Париж. Но не торопитесь с выводами. В интригу вмешивается всеведущий Амбар — духовный двойник автора; и действие романа тотчас поворачивает в несколько неожиданное русло. Вот тут-то и

обнажилось различие между Амбаром и Дервилем. Точнее, оно достигло своего кульминационного выражения. Дервилю был чужд мир грязных сделок, его симпатии на стороне обиженных. Для Амбара — все друг друга стоят. Он-то и посоветовал истице пойти на пятый — дочь все равно не вернешь, да и само дело-то темное, а именитому ответчику следует раскошелиться. И была заключена сделка. Довольная мадам Ле Гаре с тугой мощной укатила в провинцию, но на этом не успокоилась. Некоторое время спустя доктор Брюньо стал получать анонимные пакеты с газетными вырезками об убийствах и отравлениях. Доведенный до отчаяния, он пожаловался полицейскому комиссару. Страж порядка поделился тревогами с месье Амбаром.

Брюньо, лукаво усмехаясь, молвил тот, конечно, препорядочная сволочь, но и не больше, чем все остальные.

И он написал предостерегающее письмо в провинцию: сделка есть сделка, ее законы нужно уважать.

Наивно думать, что Жюль Ромен сознательно «списывает» у Бальзака. Напротив, он убежден, что и Золя и Бальзак ныне безнадежно устарели, а их идея воссоздания социальных типов давно обветшала. «Я хочу, — декларирует Ромен в книге «Воспоминания и признания писателя» (1958 г.), — совершенно противоположного: яркого изображения частного».

Ну, а если в своем рвении эстетизировать патологию частной жизни буржуа Жюль Ромен повторил старые сюжетные ситуации и создал бледные копии могучих характеров — не его вина. Такова участь эпигонов.

В. БАЛАШОВ

